

Ольга Ефимова

ЭМПАТ ПОД ПРИЦЕЛОМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Ольга Ефимова

ЭМПАТ ПОД ПРИЦЕЛОМ

«Автор»

2026

Ефимова О.

ЭМПАТ ПОД ПРИЦЕЛОМ / О. Ефимова — «Автор», 2026

Бывший военный хирург Коул Уинтер выходит из тюрьмы за преступление, которого не совершал. Его подставила корпорация «Омега Бионикс», и надежды на оправдание нет. Пока таинственный звонок не заставляет его похитить двенадцатилетнего Лукаса из засекреченной лаборатории. Лукас — не просто ребёнок. Он — Эмпат. Он слышит чужие эмоции как звуки, видит ложь и страх в виде цветных отголосков. Он может отзеркалить чужую травму, перетянув её на себя ценой собственного здоровья. Корпорация хочет превратить его в идеальное оружие. За ними охотится оперативница Надя Восс — безжалостный охотник за эмпатами, чья собственная дочь погибла от такого же дара. Вместе Коул и Лукас бегут через всю страну, чтобы добраться до подпольной общины «Тихие» — единственного места, где можно научиться блокировать эмоциональный резонанс. «Эмпат под прицелом» — это напряжённый триллер о доверии, лжи и золотой нити, связывающей тех, кто выбирает не врать.

© Ефимова О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Цвет крика	5
Глава 1. Серая зона	9
Глава 2. Белый шум	14
Глава 3. Псы войны	20
Глава 4: Цена молчания	25
Глава 5. Чистка	26
Глава 6. Гнездо рыжей	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ольга Ефимова

ЭМПАТ ПОД ПРИЦЕЛОМ

Пролог. Цвет крика

Лаборатория «Белый шум» пахла озоном и страхом.

Лукас знал этот запах лучше, чем любой другой. Страх имел цвет — тусклый, гнило-зелёный, как болотная вода. Он имел звук — низкое, вибрирующее гудение, от которого ныли зубы. И он имел вкус — металлический, с примесью ржавчины и чего-то сладковатого, похожего на разлагающееся мясо.

Лукасу было двенадцать лет. Он родился в этой лаборатории. Или, может быть, его создали в пробирке — он никогда не знал правды. Доктора говорили: «Ты уникален, Лукас. Ты — будущее». Но когда они смотрели на него, их ауры кричали: «Ты — монстр».

Сегодня ночью он впервые решил сбежать.

Не потому, что планировал. Не потому, что у него был надёжный план. А потому, что услышал кое-что, что заставило его кровь застыть в жилах.

Он лежал на своей койке в белой комнате без окон — единственном месте, где стены были покрыты толстым слоем свинца и графита, чтобы блокировать «эхо». Никто не знал, что Лукас научился проходить сквозь блокировку. Он просто сосредотачивался, и звуки пробивались сквозь изоляцию, как вода сквозь трещины в плотине. За десять лет он изучил лабораторию лучше, чем её создатели. Он знал, когда охранники меняются, когда доктор Элина пьёт свой успокоительный чай, когда главный генетик Восс приходит в ярость, и его аура превращается в чёрный, смоляной клубок, который обжигает сознание, даже на расстоянии.

Сегодня ночью Восс был в ярости. Не просто в ярости — в бешенстве.

Лукас услышал его за три коридора. Услышал сквозь стены, сквозь свинец, сквозь слой бетона и арматуры. Услышал, как Восс кричит на доктора Элину:

— ...если донор не подойдёт, мы потеряем всё! Девочка умирает уже второй раз! Мне нужен идеальный резонанс, Элина. Идеальный!

— У нас есть ещё один образец, — голос Элины дрожал, её аура была серой, как пепел. — Лукас...

— Лукас — это инструмент! — сказал Восс. — И завтра мы начнём подготовку к трансплантации нейронной матрицы. Я не спрашиваю его согласия. Он — расходный материал.

Лукас лежал неподвижно, чувствуя, как комната начинает вращаться. Трансплантация. Нейронная матрица. Он слышал эти слова раньше. Они означали, что его мозг вынут, откачают, превратят в цифровую копию, а потом вживят в тело мёртвой девочки — внучки Восса. Сара, кажется, так её звали. Она умерла пять лет назад от передозировки дара. Теперь её дедушка хотел воскресить её, используя Лукаса как деталь конструктора.

«Расходный материал».

Он закрыл глаза. В темноте своего сознания он увидел цвета. Миллионы цветов — эмоции всех людей в лаборатории. Охранники — тупая, коричневая злоба. Техники — бледно-жёлтая тревога. Доктор Элина — серый пепел вины. И где-то далеко, за пределами лаборатории, другие цвета. Голубые, золотые, красные. Жизнь. Свободные люди, которые не знают, что в подземном бункере под горой прячется мальчик, способный слышать их души.

Лукас сел на кровати. Одеядло было тонким, аскетичным. Он всегда спал в одежде — на случай, если придётся бежать. Этот случай настал.

Он встал. Подошёл к двери. Дверь была бронированной, с электромагнитным замком, который открывался только по отпечатку сетчатки. Но Лукас не нуждался в ключах. Он знал,

что техник, который обслуживал замок, Стив, был влюблён в женщину из бухгалтерии — её аура светилась розовым, когда они встречались в столовой. И Лукас знал, что сегодня Стив получил от неё сообщение: «Приходи сегодня, муж в командировке». И Стив, дурак, не выдержал. Он ушёл на два часа раньше, оставив пульт управления на посту, а систему — в режиме техобслуживания.

Лукас прижал ладонь к двери. Сосредоточился. Он умел делать больше, чем просто слышать и видеть. Он умел резонировать. Если он концентрировался на эмоции достаточно долго, он мог её усилить. Или, наоборот, погасить. Сейчас ему нужно было погасить сигнал тревоги в мозгу охранника по ту сторону двери. Парня звали Марти. Ему было двадцать три. Он боялся темноты и тайно мечтал стать парикмахером. Его аура была грязно-оранжевой — обычное беспокойство новичка.

Лукас тихонько зашептал. Не слова — частоты. Звуки, которые не мог услышать обычный человек, но которые чувствовало подсознание. Он пел колыбельную страху Марти. Убаюкивал его. Усыплял.

Через три минуты раздался глухой стук — Марти сел на стул и провалился в сон.

Лукас выдохнул. Из носа потекла кровь — тёплая, липкая. Он вытер её рукавом толстовки. Это всегда была цена. Каждый раз, когда он использовал дар, его тело платило. Головная боль, кровотечение, судороги. Но сейчас было не до счёта.

Он нажал на дверь. Электромагнитный замок щёлкнул — Стив оставил систему в режиме обслуживания, и любой толчёр мог открыть дверь изнутри. Безответственный влюблённый идиот. Лукас был ему благодарен.

Коридор был длинным и белым, как кишечник гигантской змеи. Лукас пошёл налево — к вентиляционной шахте, которую он исследовал ментально сотни раз, хотя физически никогда там не был. Светодиодные лампы гудели на частоте, которая резала уши. Ауры людей за стенами пульсировали, как радужные вены.

Он миновал пост охраны. Марти спал, уронив голову на стол. Лукас прошёл мимо, неслышно ступая босыми ногами по линолеуму.

Поворот. Ещё один. Коридор для технического персонала. Здесь ауры были проще — люди выполняли рутинную работу, их эмоции были серыми и плоскими, как каменные плиты. Легко слиться с ними. Легко пройти незамеченным.

Вентиляционная шахта находилась в тупике, за стеллажом с чистящими средствами. Лукас отодвинул ящик с порошком, открутил четыре болта (пальцы дрожали, но он справился) и влез в отверстие. Оно было узким — для ребёнка. Для взрослого — нет. Взрослые, которые проектировали эту лабораторию, не думали, что дети будут сбегать через вентиляцию. Они вообще не думали о детях. Они думали об образцах.

Шахта пахла пылью и ржавчиной. Лукас полз на животе, отталкиваясь локтями. В темноте его дар работал лучше — он видел цвета эмоций людей этажом выше, этажом ниже. Техник в серверной скучал и листал порнографию на рабочем компьютере — его аура была влажно-розовой. Начальник смены пил кофе и злился на жену — фиолетовые вспышки. Доктор Элина сидела в своём кабинете и плакала — серая, бесконечная печаль, которая тянулась, как дым.

Лукас не жалел её. Она была добра к нему, но она никогда не пыталась его спасти. Только давала лишнюю порцию мороженого и говорила: «Ты справишься, Лукас». Справиться с чем? С тем, что его мозг вырежут и пересадят труп? Спасибо, доктор.

Он полз дальше. Сорок метров. Пятьдесят. Кровь из носа не останавливалась, капала на ржавое железо, смешиваясь с пылью. Голова раскалывалась. Каждый звук — гул вентилятора, скрежет собственных локтей, далёкий разговор охранников — превращался в острые иглы.

Но он не мог остановиться.

Он знал, куда ведёт эта шахта. Наружу. К решётке, выходящей на склон горы, в пяти метрах от технического выхода. Там нет камер. Там нет охраны — только забор с колючей проволокой. Но забор не был подключён к датчикам движения, потому что гора считалась недоступной.

Ошибка. Ещё одна ошибка, которую Лукас запомнил из обрывков разговоров.

Он достиг решётки. Воздух стал свежее — не рециркулированный, с примесью хвои и влажной земли. Лукас упёрся ногами в стену шахты и изо всех сил пнул решётку. Раз. Два. Три. Болты поддались на четвёртый удар. Решётка вылетела наружу, громко звякнув о камни.

Лукас вывалился из шахты и упал лицом в мокрую траву.

Ночь была холодной. Небо — чёрным, без единой звезды. Где-то далеко выла сирена — или это просто ветер шумел в соснах? Лукас лежал, тяжело дыша, и впервые в жизни чувствовал... тишину.

Нет, не совсем тишину. Он всё ещё слышал эмоции. Но здесь, наверху, они были другими. Не стерильными, не лабораторными, не сжатыми бетонными стенами. Они были живыми. Где-то в долине спала семья — их ауры были тёплыми, золотистыми, пульсировали медленно, как сердцебиение. Где-то плакал ребёнок — синий цвет, размытый, как акварель. Где-то ссорились двое — красные вспышки, хаотичные, быстрые.

Мир был громким. Но это была хорошая громкость.

Лукас поднялся на ноги. Колени дрожали. За спиной, в лаборатории, уже, наверное, заметили его исчезновение. Скоро начнут искать. Он знал, что далеко не уйдёт — у него нет денег, нет документов, нет навыков выживания. Но у него есть дар. И есть одна вещь, которую он знал точно.

Когда он лежал в своей камере, слушая разговоры докторов, он однажды услышал имя. Два слова, которые произнёс старый охранник, пересказывая новости: «Коул Уинтер». Осуждённый шпион. Бывший хирург. Человек, которого подставила «Омега Бионикс». Его аура, даже в записи новостного сюжета (а Лукас мог слышать эмоции даже через экран, если очень старался), была... честной. Рваной, кровоточащей, полной ярости и боли, но без единой ноты лжи.

Лукас не знал, как найдёт этого человека. Не знал, захочет ли тот помочь. Но больше бежать было некуда.

Он сделал шаг. Второй. Третий. Холодный ветер трепал его волосы. Он шёл вниз по склону, туда, где вдали мерцали огни города.

Позади, из вентиляционной шахты, донёсся приглушённый крик:

— Оповещение! Объект сбежал! Всем постам — уровень красный!

Лукас не обернулся. Он только прибавил шаг, сжимая в кармане единственную вещь, которую успел схватить перед побегом, — старый медицинский жетон. Без имени. Без номера. Просто кусок металла, который он нашёл в мусорном баке лаборатории.

Подальше от «Белого шума». Поближе к человеку, который, возможно, станет его единственным шансом.

И, когда он уже почти скрылся в темноте, он услышал позади другой звук. Низкий, вибрирующий, похожий на гул трансформатора. Этот звук он знал. Это была Надя Восс. Охотница. Её аура была не цвета — она была отсутствием цвета. Пустота. Чёрная дыра, которая засасывала всё вокруг.

Надя уже знала. Она уже вышла на след.

Лукас побежал. Не останавливаясь. Не оглядываясь.

Потому что в его голове пульсировала единственная мысль, холодная, как лёд:

«Коул Уинтер. Морристаун. Через шесть дней он выйдет из тюрьмы. Я должен быть там раньше, чем она».

Он бежал, спотыкаясь о корни, раздирая руки о камни, задыхаясь от боли в груди. И в этот момент — впервые за двенадцать лет — ему показалось, что цвета мира стали чуточку ярче.

Или это просто кровь заливала глаза? Он не знал. Он просто бежал.

Впереди была свобода. Сзади — смерть.

А где-то в камере «Стеклянной горы» спал мужчина, которому предстояло изменить всё.

Семь дней до встречи, майор Уинтер.

Семь дней.

Глава 1. Серая зона

День, когда Коул Уинтер вышел на свободу, был серым, как старая больничная простыня. Он стоял перед воротами исправительного учреждения «Стеклянная гора» и смотрел на мир, который не видел шесть лет, четыре месяца и семнадцать дней. Мир не изменился. Небо над Пенсильванией всё так же нависало низким свинцовым брюхом, лес за колючей проволокой всё так же шумел одинаково — без злобы и без радости. Только Коул теперь был другим.

Позади осталась зона строгого режима с её железным распорядком, доносительством и запахом дезинфекции, который не выветривался даже из собственной шкуры. Он вдыхал воздух свободы, но чувствовал только привкус ржавчины.

— Уинтер! — окликнул его охранник с вышки. Голос равнодушный, привычный. — Вали. Пока не передумали.

Коул не обернулся. Он сделал шаг. Второй. Десятый. Ботинки — старые, выданные при освобождении — хлюпали по размокшей гравийной дорожке. У ворот его никто не ждал. Ни жены с распахнутыми объятиями, ни адвоката с папкой оправдательных документов, ни старого друга с бутылкой виски. Потому что ждать было некому.

Жена, Лидия, подала на развод на втором году срока. Прислала письмо, сухое, как медицинский отчёт: «Ты соврал мне. Ты не тот человек, за кого я выходила замуж». Она не спрашивала, виновен ли он на самом деле. Ей сказали по телевизору — бывший военный хирург, гордость полевых госпиталей, продал секретные данные о бионических имплантах корпорации «Омега Бионикс». Измена родине. Шпионаж. Семь лет тюрьмы. Лидия поверила. Все поверили.

Коул остановился на полпути к шоссе. Засунул руки в карманы дешёвого пальто, которое купил в тюремном ларьке на последние деньги со счёта. Карманы были пусты. Вся его жизнь теперь умещалась в полиэтиленовый пакет: смена белья, зубная щётка, потрёпанная книжка анатомии Неттера (единственное, что разрешили оставить) и фотография, выцветшая до желтизны. На фотографии он обнимал Лидию на фоне Гранд-Каньона — за два месяца до ареста. Тогда он ещё не знал, что улыбается в последний раз.

Он постоял, глядя на эту фотографию, потом аккуратно сложил её обратно в пакет.

— Хорош ныть, старина, — сказал он себе под нос. Голос сел, непривычный к разговору без железных стен. — Двигай.

До ближайшего города — Морристауна — было двенадцать миль. Коул пошёл пешком, потому что на автобус не хватало. Три доллара и сорок центов мелочью — вот и всё его состояние. Бывший майор медицинской службы, бывший начальник травматологического отделения, бывший мужчина, которого уважали коллеги и боялись конкуренты. Теперь он просто Коул, дыра в пенсионной системе, номер 81742.

Дорога тянулась бесконечно. Гравий хрустел под ногами, и каждый шаг отдавался в коленях — старые раны, напоминания об Афганистане. Он старался не думать о прошлом, но мысли лезли сами, как гной из незакрытого свища.

Вот он, тридцать восемь лет, хирург от бога. В двадцать три — выпускник Джонса Хопкинса. В двадцать пять — интерн в балтиморской больнице. В двадцать восемь — война, полевые госпитали, руки по локоть в чужой крови, операционные в трясущихся палатках, лица солдат, у которых больше нет ног. Он спасал жизни там, где это казалось невозможным. А потом пришёл домой и стал гражданским врачом. И однажды к нему в кабинет вошёл пациент, старый мужчина с болями в груди.

Фрэнк Бэннион. Главный свидетель по делу о растратах в «Омега Бионикс». Бэннион знал, кто на самом деле слил данные — не какой-то бывший вояка, а финансовый директор

корпорации. Он знал и собирался дать показания. Но утром перед слушаниями у него случился инфаркт. И Коул, обычный хирург районной больницы, дежурил в тот день.

Он спас Бэнниона. Вытащил с того света. А потом Бэннион «вспомнил», что именно Коул был его связным со шпионской сетью.

Ложь. Грязная, топорная ложь. Но адвокаты «Омеги» выстроили её так искусно, с такими фальшивыми документами, подставными свидетелями и экспертными заключениями, что присяжные вынесли вердикт за три часа. Коул даже не понял, когда всё рухнуло. Сначала обыск. Потом камеры на пороге. Потом его лицо во всех новостях с подписью «ПРЕДАТЕЛЬ».

Он не совершал этого преступления. Но единственный человек, который мог это доказать — Фрэнк Бэннион — тихо скончался через полгода после операции. В официальном заключении — сердечная недостаточность. Коул знал, что это убийство. Но кто поверит осуждённому шпиону?

Солнце клонилось к закату, когда он, наконец, добрался до Морристауна. Городок казался вымершим — пластиковые вывески мотелей, пустые парковки, редкие фигуры людей, которые отворачивались, когда он проходил мимо. Может, они узнавали его. Может, нет. Коул научился не смотреть в чужие глаза.

Он зашёл в дешёвую забегаловку на окраине, купил кофе и сэндвич, истратив последние деньги, кроме горсти мелочи на телефонный звонок. Сел у окна, развернул сэндвич — пластмассовый сыр и резиновая ветчина — и жевал, глядя на улицу. За стёклами моросил дождь.

В забегаловке было тепло и пахло пережаренным маслом. За соседними столиками сидели дальнбойщики и местные алкаши. Никто не обращал на него внимания. Коул чувствовал себя невидимкой — и это было хорошо.

Он уже почти доел, когда заметил клочок бумаги, приклеенный скотчем к нижней стороне столешницы. Обычно там крепят рекламу пиццы или объявления о сдаче квартир. Но здесь было написано от руки, чёрным маркером, неровными буквами:

«Ты не виновен. У меня есть ответы. Завтра, полдень, мотель «Синий койот», комната 8».

Коул замер. Мурашки побежали по спине, волосатые и холодные. Он резко обернулся — зал был пуст, лишь бармен протирает стаканы за стойкой. Время на электронных часах над кассой — 19:42. Объявление висело так, чтобы видел только тот, кто сядет именно за этот столик. Кто сядет, как бывший зэк, спиной к стене лицом к входу.

Кто-то знал, что он вернётся. Кто-то знал маршрут, по которому бывший заключённый идёт в город. Кто-то знал слишком много.

Первым инстинктом Коула было развернуться и уйти. Игнорировать. Потому что ничего не бывает просто так. Потому что за десять лет службы он усвоил: если тебе что-то предлагают, это ловушка. Но второй инстинкт — более древний, более сильный — заставил его медленно вдохнуть и перечитать текст ещё раз.

«Ты не виновен».

Семь лет он ждал, когда кто-нибудь скажет ему эти слова. Тюремный психолог говорил: «Вы должны принять ответственность». Сокамерники говорили: «Да всем все равно, виновный ты или нет». Охранники говорили: «Ты там что-то натворил, раз тебя засадили». Но никто — ни один человек — ни разу не сказал: «Ты не виновен».

Коул сорвал бумажку, смял её в кулаке и сунул в карман. Сердце билось чаще, чем нужно. Он допил кофе, расплатился мелочью и вышел под дождь.

Ночь он провёл в ночлежке для бездомных — грязный матрас, храпящие соседи, запах мочи и страха. Не привыкать. За шесть лет в тюрьме он спал и в худших местах. Но спал плохо — ворочался, прокручивал в голове варианты. Корпорация «Омега Бионикс». У неё длинные руки. Если это ловушка, они просто хотят добить его, поставить точку. Если правда... если правда, то кто этот человек, который знает, где и когда он окажется?

Мысли путались. К четырём утра он провалился в тревожную дремоту, полную обрывков воспоминаний: операционная палатка, снаряд разорвался в ста метрах, люстра качается, а он зашивает печень девятнадцатилетнему парню, который молит не дать ему умереть. Потом тюремный коридор, швабры, запах хлорки, надзиратель бьёт дубинкой по прутьям: «Подъём, черви!» Потом лицо Лидии в день ареста — не злое, нет, просто уставшее. Она смотрела на него, как на чужого.

Утром он умылся в общественном туалете, привёл себя в порядок насколько возможно: зачесал волосы назад, побрился тупым одноразовым станком, который дал ему сердобольный бродяга. В зеркале отражался мужчина, который выглядел старше своих сорока четырёх. Впалые щёки, резкие морщины вокруг глаз, шрам над левой бровью — осколок, Афганистан. Глаза всё те же — серые, внимательные, смотрящие в самую суть. Глаза хирурга, который видел слишком много смертей, чтобы бояться чего-то ещё.

К одиннадцати утра он вышел из ночлежки и направился к мотелю «Синий койот». Это оказалось захудалое двухэтажное здание в промышленной зоне, рядом с железнодорожными путями. Сайдинг облупился, неоновая вывеска горела через букву. На парковке стояло два ржавых пикапа и один внедорожник с затемнёнными стёклами.

Коул обошёл здание по периметру — привычка, вбитая армией. Проверил запасные выходы, пути отхода, оценил возможности засады. Всё чисто. Или слишком чисто. Он зашёл в холл. За стойкой сидела женщина под пятьдесят с прокуренными лёгкими и уставшими глазами.

— Комната восемь? — спросил Коул.

— Снимите ключ на доске, — она даже не подняла головы от журнала.

Ключ висел на гвоздике. Коул взял его, поднялся по скрипучей лестнице на второй этаж. Коридор пах ковролином, который не чистили со времён прошлого президента. Он остановился перед дверью с цифрой 8. Прижал ухо к филёнке — тишина. Потом постучал костяшками — три коротких, два длинных. Военная кодировка, которую он не использовал почти семь лет.

Дверь открылась.

На пороге стоял мальчик. Лет двенадцати, не больше. Худой, бледный, с тёмными кругами под глазами, как у человека, который давно не спит. Волосы русые, падают на лоб. На нём была слишком большая толстовка с капюшоном и поношенные джинсы. Но самое странное — его взгляд. Мальчик смотрел на Коула так, будто видел его насквозь. Будто читал что-то написанное у него под кожей.

— Вы Коул? — спросил ребёнок. Голос тихий, без страха. Только усталость.

— Кто ты? — Коул не вошёл. Он стоял в проёме, готовый в любой момент отступить.

— Меня зовут Лукас. — Мальчик отступил на шаг, впуская его. — Не бойтесь. Я один.

— Я не боюсь, — соврал Коул.

Лукас усмехнулся — грустно, совсем не по-детски.

— Вы боитесь, — сказал он. — Я слышу.

Коул нахмурился. Что значит «слышу»? Мальчик не выглядел угрожающе, но что-то в нём было... неправильное. Какая-то неестественная напряжённость, как перед землетрясением. Коул переступил порог.

Комната оказалась такой же убогой, как и весь мотель — двуспальная кровать с продавленным матрасом, продавленный телевизор на тумбочке, вонь старого табака и сырости. На столе стоял ноутбук, рядом валялись какие-то распечатки и карты. Лукас забрался на кровать, поджав ноги по-турецки.

— Садитесь, — сказал он. — У нас не много времени.

— Откуда ты знаешь моё имя? — Коул остался стоять, прислонившись к стене у двери.
— И как ты узнал, что я выхожу?

Лукас посмотрел на него — и в этом взгляде было что-то пугающее. Не детское. Не человеческое. Как будто мальчик видел не лицо Коула, а что-то за ним.

— Я не знал, — сказал Лукас. — Я просто искал... место, где можно спрятаться. А потом услышал вас. За два дня до вашего освобождения. Вы были далеко, но я вас услышал.

— Что значит «услышал»? — повторил Коул. Терпение начинало лопаться.

Мальчик закрыл глаза. Комната погрузилась в тишину — такую глубокую, что стало слышно, как стучит в радиаторе пар. А потом Лукас заговорил — и голос его изменился. Стал тише, но странно... прозрачнее.

— Сейчас вы стоите у двери, потому что не доверяете мне. Ваше левое плечо напряжено — там старая рана, она ноет на погоду. Вы не завтракали сегодня, только пили кофе — кислый вкус во рту и лёгкая тошнота. Вы думаете о женщине. Не о жене — о другой. О медсестре, которая работала с вами в полевом госпитале. Она погибла. Вы до сих пор вините себя. — Лукас открыл глаза. — Я прав?

Коул не мог пошевелиться. Всё, что сказал мальчик, было правдой. О плече — от старого осколка, который не полностью вычистили. О кофе — он выпил две чашки в забегаловке, и желудок сводило. О медсестре — Сюзан, её разорвало миной в пяти метрах от него. Он нёс её на руках, но уже понимал, что бесполезно.

— Кто ты? — выдохнул Коул.

— Я — ошибка, — тихо сказал Лукас. — Результат эксперимента «Омега Бионикс». Они называют это «эмпатическим резонансом». — Он коснулся пальцами виска. — Я слышу эмоции. Как вы слышите музыку. Чужую боль, страх, ложь — для меня это звуки. Цвета. Вибрации. Я не могу отключиться. Я слышу всё, что чувствуют люди вокруг. И поэтому они хотят меня поймать.

— Кто? — Коул сглотнул. Горло пересохло.

— Корпорация, которая вас посадила, — спокойно ответил Лукас. — «Омега Бионикс». Вы для них — мелкий винтик. Они подставили вас, потому что вы могли спасти свидетеля. А я — главный приз. Я — оружие, которое может слышать любые секреты. Или лечить. Или убивать.

— Лечить? — переспросил Коул. Профессиональный рефлекс включился быстрее страха.

— Я могу отзеркалить чужую травму, — сказал Лукас. — Взять боль на себя. Например, если у человека перелом, я могу перенести его на свои кости. Но цена — моё здоровье. Иногда — жизнь.

Коул медленно опустился на край кровати. Колени подкашивались. Семь лет он думал, что ненавидит «Омегу» просто за ложь. Оказалось, ложь была только вершиной айсберга.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил он хрипло.

— Потому что мне нужна помощь, — Лукас впервые выглядел уязвимым. — Я сбежал из лаборатории два дня назад. За мной охотятся. У меня нет никого. Кроме вас.

— Почему я?

— Потому что вы не лжёте. Я слышу ложь. Ваша аура... она похожа на рваную рану, которая затягивается. Но в ней нет фальши. Вы злой, обиженный, сломленный. Но вы — честный. — Лукас посмотрел ему в глаза. — И вы хирург. Если я упаду в обморок от переноса травмы, мне нужен кто-то, кто сможет меня спасти.

Коул молчал. В голове шумело. Где-то в глубине сознания разумный, осторожный голос шептал: «Сдай его. Или уйди. Не ввязывайся». Другой голос — глупый, но горячий — отвечал: «Это ребёнок. Просто ребёнок».

— Если я соглашусь, — сказал Коул медленно, — куда мы пойдём?

Лукас порывлся в рюкзаке и вытащил потрёпанную карту. На ней красным фломастером была обведена точка где-то в горах Аппалачи.

— Туда. Община «Тихие». Люди, которые научились блокировать эмпатический резонанс. Они могут научить меня. И спрятать.

— А если они нас не примут?

— Тогда умрём, — просто сказал Лукас. — Но здесь мы умрём точно. Надя Восс уже на моём следу.

— Кто это?

— Оперативница. Охотница за эмпатами. Её дочь умерла от такого же дара, как у меня. Теперь она убивает таких, как я, с особым удовольствием. — Лукас вздохнул. — И её отец... её отец — тот самый генетик, который создал этот дар. Он хочет поймать меня, чтобы оживить внучку. Мёртвую девочку.

Тишина в комнате стала вязкой. Коул смотрел на карту, потом на мальчика. Двенадцать лет. Двенадцать лет, а в глазах — целая вечность боли.

Он закрыл глаза и увидел Афганистан. Увидел Сьюзан, которая умирала у него на руках, и понял, что не смог её спасти. Увидел пациента Бэнниона, которого вытащил с того света, а тот подписал ему приговор. Увидел Лидию, которая ушла, не захотев слушать.

— Ладно, — сказал Коул. Слово вышло глухим, как выстрел из пушки с намокшим фитилём.

— Что — ладно? — не понял Лукас.

— Ладно, я помогу тебе. — Коул встал. Ноги больше не дрожали. — Но без дурацких обещаний. Я не герой. Я бывший военный хирург, который сидел за решёткой за то, чего не делал. Моя репутация уничтожена, денег нет, друзей нет. Я ничего не могу тебе гарантировать.

— Я не прошу гарантий, — сказал Лукас и впервые улыбнулся. Невесело, но искренне. — Я прошу просто не врать.

— Не буду, — пообещал Коул.

В этот момент за окном раздался резкий звук — скрежет тормозов, хлопок дверцы автомобиля. Лукас побледнел так, что стали видны синие жилки под кожей. Его глаза расширились.

— Она здесь, — прошептал он. — Надя. Быстрее, Коул. Нужно уходить.

Коул бросил взгляд в окно. На парковку заезжал чёрный внедорожник с тонированными стёклами. Из него вышла женщина — высокая, спортивная, с короткой стрижкой и лицом, которое не выражало ничего. Ноль эмоций. Как будто статуя ожила.

— Чёрт, — выдохнул Коул. Он схватил рюкзак Лукаса, свою сумку, толкнул мальчика к двери чёрного хода. — Беги. Не оглядывайся.

Они выскочили в коридор, когда внизу уже хлопнула входная дверь мотеля. Голос женщины — низкий, без интонации — прозвучал в холле:

— Номер восемь. Кто брал ключ?

Сердце Коула ухнуло в пятки. Всё начиналось заново — бегство, страх, адреналин. Но на этот раз он бежал не один. И — возможно, впервые за семь лет — не просто от себя.

Он бежал туда, где, как он надеялся, всё ещё существовала правда.

Глава 2. Белый шум

Лукас проснулся от того, что мир кричал.

Это не было метафорой. Это было физическое ощущение — как будто кто-то воткнул ему в уши раскалённые иглы и одновременно включил все пожарные сирены в радиусе ста миль. Он вскочил на кровати, не понимая, где находится, и ударился головой о низкую балку.

— Тихо-тихо-тихо, — раздался приглушённый голос откуда-то сбоку.

Мотель. «Синий койот». Комната номер восемь. Вчера. Побег.

Воспоминания нахлынули липкой волной: лаборатория, вентиляционная шахта, холодная трава, а потом долгий, бесконечный путь через леса и просёлочные дороги. Он не помнил, как добрался до Морристауна. Помнил только, что шёл на звук — на странный, низкочастотный гул, который исходил откуда-то с востока. Гул был похож на боль. Чужую боль. Застарелую, ввевшуюся, как ржавчина в металл. Он шёл на этот гул два дня, почти не останавливаясь, питаясь яблоками, украденными из чужого сада, и водой из придорожной канавы.

Когда он, наконец, увидел силуэт мужчины, бредущего по шоссе, он сразу понял: это он. Коул Уинтер. Аура этого человека была непохожа ни на одну, которую Лукас когда-либо видел. Большинство людей излучали хаотичные, разноцветные пятна — радость, злость, страх, всё сразу, как дерьмо в вентиляторе. Но Коул... Коул был монолитным. Его аура напоминала старую, затягивающуюся рану — тёмно-багровая по краям и серо-золотая в центре. Боль, которая превратилась в силу. Злость, которая остыла до ровного, ледяного спокойствия. И под всем этим — тонкая, почти невидимая нить чего-то тёплого. Надежды? Лукас не был уверен. Он никогда раньше не видел надежды у взрослых.

И вот теперь они здесь. В убогом мотеле, где обои пузыряются от сырости, а кровать пахнет чужой тревогой. И мир кричит.

— Что с тобой? — Коул стоял в дверях ванной, держа в руке мокрое полотенце. Он выглядел так, будто не спал всю ночь — под глазами залегли чёрные круги, щетина стала ещё гуще. — Ты как будто призрака увидел.

— Жнецы, — выдохнул Лукас. Голос не слушался, слова выходили хриплыми, сдавленными. — Они близко. Я слышу их.

— Кого?

— Охотников. Не Надю. Других. Тех, кто не чувствует страха.

Лукас попытался встать, но ноги подкосились. Он упал на колени, и его вырвало — жёлчью и остатками вчерашнего сэндвича, который Коул заставил его съесть. Коул мгновенно оказался рядом — сильные руки подхватили его, усадили обратно на кровать.

— Дыши, — скомандовал Коул тоном, не терпящим возражений. — Медленно. Вдох через нос, выдох через рот.

— Они ломают блоки, — Лукас зажмурился, но цвета не исчезли. Сквозь веки он видел пульсацию — где-то на западе, на расстоянии нескольких миль, двигались чёрные точки. Три. Нет, четыре. Их ауры были не цветными — они были пустыми, как выжженная земля. Ни страха, ни злости, ни радости. Только одно: цель. — Они идут по моему следу. Эмоциональному следу. Вчера я оставил слишком много «шума».

— Как далеко?

— Мили две. Может, три.

Коул выпрямился. Его лицо стало жестким, как маска. Лукас видел, как внутри него что-то щёлкает — профессиональный рефлекс военного хирурга, привычка оценивать угрозу и действовать мгновенно, без истерик.

— Сколько у нас времени?

— Час. Может, меньше. Они быстрые.

Коул не стал задавать глупых вопросов вроде «ты уверен?». Он просто кивнул, подошёл к окну и осторожно отодвинул край шторы. Снаружи было серое, мышинное утро. На парковке ни души — чёрный внедорожник Нади исчез. Видимо, она решила не штурмовать мотель в одиночку. Или ждала подкрепления.

— Ладно, — сказал Коул. — План такой: мы уходим через чёрный ход, пересекаем железнодорожные пути и движемся к торговому центру. Там много людей, твои следы запутаются.

— Не запутаются, — Лукас покачал головой. Он всё ещё был бледным, но тошнота отступила. — Жнецы не видят меня в толпе. Они видят мои эмоции. Сильные эмоции. Страх, панику, боль. Чем больше людей, тем громче шум, но они умеют вычленять мой сигнал. Это как... как искать один голос в хоре. Если ты знаешь частоту, ты найдёшь.

— Значит, нам нужно, чтобы твои эмоции не выделялись.

— Нужно, чтобы их не было, — горько усмехнулся Лукас. — Но ты же не умеешь отключать страх. Никто не умеет.

Коул посмотрел на него долгим, изучающим взглядом. Лукас чувствовал, как аура мужчины меняется — тревога трансформируется во что-то другое. Расчёт. Холодный, хирургический расчёт.

— А если их не будет у меня? — спросил Коул.

— Что?

— Я спрашиваю: если я не буду бояться, они увидят меня?

— Эмоции не отключаются по заказу, — ответил Лукас. — Ты не можешь просто решить «не бояться».

— Я не об этом. Я о другом. — Коул отошёл от окна и начал быстро собирать вещи — сунул фотографию в карман, закинул на плечо рюкзак, проверил, на месте ли армейский складной нож. — Надя. Ты сказал, она — охотница за эмпадами. Но ты сказал, что её аура — пустота. Как это возможно?

Лукас задумался. Вопрос был хорошим. Он не ожидал, что взрослый, который вчера только узнал о существовании дара, сразу схватит самую суть.

— Я не знаю точно, — признался он. — Я думаю... она блокирует свои эмоции. Или они у неё атрофировались. Как мышца, которой не пользуются. Она чувствует только ярость и... и горе. Но горе глубоко, очень глубоко. Она прячет его. А остальное — пустота.

— Значит, если я тоже спрячу эмоции... — начал Коул.

— Ты не сможешь, — перебил Лукас. — Это годы тренировок. Или травма. Такая, как у неё.

Коул замолчал. Его аура на мгновение потемнела, стала почти чёрной — Лукас испугался, что обидел его. Но нет. Это была не обида. Это была... решимость.

— Ты говорил, что можешь отзеркаливать травмы, — сказал Коул. — Забирать чужую боль на себя.

— Да.

— А можешь наоборот? Отдавать?

Лукас моргнул. Он никогда не пробовал. Доктора учили его только забирать — это было полезно для экспериментов. Испытуемому наносили рану, а Лукас должен был перенести её на себя. Изучали, как быстро заживают ткани, как регенерируют нервы, какой предел боли может выдержать ребёнок. Отдавать было невыгодно — это превращало бы пациента в оружие.

— Не знаю, — честно ответил он. — Теоретически — да. Если я могу перенести боль на себя, значит, я могу перенести её и на другого. Нужно только... зеркало. Связь. Но это опасно. Я могу повредить тебе мозг.

— Мне уже повредили, — хрипло рассмеялся Коул. — Ладно, забудь. Потом поэкспериментируем. Сейчас нам нужно уходить.

Он помог Лукасу надеть рюкзак — лямки пришлось затянуть до упора, чтобы они не болтались. Лукас весил не больше тридцати килограммов, и Коул с удивлением понял, что сможет нести его бегом, если понадобится. Это осознание было одновременно обнадеживающим и пугающим — что за жизнь у ребёнка, которого можно унести, как котёнка?

Чёрный ход мотеля вёл на узкую улочку, зажатую между гаражами и бетонным забором. Лукас ступил на асфальт и сразу же скривился — здесь было «грязно». Чужие эмоции наслаивались друг на друга, оставляя цветные разводы, как масляные пятна на луже. Кто-то ругался на парковке — красные вспышки. Кто-то плакал в квартире над гаражом — синяя, размытая печаль. Где-то ребёнок радовался новой игрушке — ярко-жёлтый фейерверк.

— Сосредоточься, — сказал Коул, заметив, что Лукас замер. — Не смотри на них. Смотри на меня.

— На тебя смотреть больно, — буркнул Лукас, но послушался.

Аура Коула была единственной в этом хаосе, которая не раздражала. Она была как тёмная комната после ослепительного света — в ней можно было отдохнуть. Лукас сконцентрировался на этой ауре, и мир вокруг немного утих.

Они пересекли железнодорожные пути — рельсы блестели от утренней росы — и углубились в промышленный район. Здесь пахло мазутом и гнилыми овощами — рядом был овощехранилище. Лукас чихнул. Пыльца и плесень всегда забивали его нос, и он ненавидел это.

— Расскажи мне о «Тихих», — попросил Коул, пока они шли. Ему нужно было отвлечь мальчика. И себя заодно.

— Это община, — ответил Лукас, переступая через лужу мазута. — Они живут в горах. Где-то в Аппалачах. Я точно не знаю где, но доктор Элина как-то обмолвилась. Она сказала, что «Тихие» научились блокировать резонанс. Строят ментальные стены. Живут в тишине.

— Звучит как секта.

— Может быть. Но это единственное место, где меня не найдут. Надя и её жнецы не могут читать эмоции, которых нет.

— А как вы их найдёте? Если точное место неизвестно?

Лукас помолчал. Это была самая слабая часть его плана. У него не было карты, не было адреса, не было контакта. Только слухи, обрывки разговоров и надежда, что дар приведёт его туда.

— Я думал... ну, я думал, мы просто пойдём в горы. И будем искать место, где слишком тихо. Где нет эмоционального фона. Это как... дыра в ткани мира. Если я окажусь достаточно близко, я почувствую.

— То есть мы будем бродить по лесам, надеясь наткнуться на иголку в стоге сена, пока за нами охотится корпорация с бесконечными ресурсами? — Коул не скрывал сарказма.

— У тебя есть идея лучше? — огрызнулся Лукас.

Коул хотел ответить, но в этот момент Лукас резко остановился, вскинув руку. Его лицо побелело.

— Они здесь.

Жнецы вышли из-за угла овощехранилища бесшумно, как тени. Лукас ожидал увидеть мутантов — чудовищ с клыками или горящими глазами, как в фильмах ужасов, которые иногда показывали по телевизору в лаборатории. Но жнецы оказались обычными людьми. Трое мужчин и одна женщина. В чёрной тактической форме, с нашивками «Омега Бионикс» на плечах. На головах — странные шлемы с мигающими зелёными огоньками.

Их лица были пустыми. Не злыми, не жестокими — просто пустыми. Как у манекенов.

— Беги, — прошептал Коул, заслоняя Лукаса собой.

— Бесполезно, — ответил Лукас. — Они быстрее.

Жнецы не вытащили оружия. Один из них — здоровенный мужчина с бритой головой — сделал шаг вперёд и остановился. На его шлеме загорелся красный индикатор.

— Лукас К-9, — произнёс он механическим голосом. Губы двигались, но слова звучали так, будто их пропускали через синтезатор. — Вернись добровольно. Соппротивление будет подавлено.

— К-9? — переспросил Коул, не оборачиваясь. — Как собаку?

— Экспериментальный образец номер девять, — тихо сказал Лукас. — Я не человек для них. Я вещь.

Коул почувствовал, как в груди поднимается красная, горячая волна. Гнев. Настоящий, животный гнев, который он не испытывал со времён Афганистана. Он шагнул навстречу жнецу.

— Он не вернётся, — сказал Коул. Голос был ровным, но в нём звенел металл. — А вы — провалите обратно в вашу конуру.

Жнец не отреагировал. Вообще никак. Только голову склонил набок, как собака, прислушивающаяся к непонятному звуку.

— Обнаружена неопознанная цель, — сказал он. — Уровень угрозы: минимальный. Рекомендация: нейтрализация без летального исхода.

— Минимальный, значит, — усмехнулся Коул. — Сейчас посмотрим.

Он не помнил, когда начал двигаться. Тело среагировало быстрее мозга — армейская подготовка, вбитая в подкорку за десять лет службы. Он нырнул под руку жнеца, одновременно выхватывая нож, и всадил лезвие в шею — туда, где у обычного человека проходила сонная артерия.

Лезвие звякнуло о металл.

У жнеца под формой оказалась кевларовая защита. Цельный воротник, прикрывающий шею. Коул выругался и отпрыгнул назад, но было поздно — второй жнец схватил его за плечо, рванул на себя, третий заходил слева. Они двигались синхронно, как роботы. Ни лишних движений, ни эмоций, ни страха — идеальные машины для убийства.

Лукас видел всё это и не мог пошевелиться. Он хотел убежать. Хотел спрятаться. Хотел закричать. Но его тело парализовало, а дар — проклятый дар — сам включился на полную мощность.

Цвета взорвались перед глазами: ярость Коула — багровая, пульсирующая; пустота жнецов — чёрная, зияющая, как вход в бездну; и где-то далеко — серое, мокрое пятно. Кто-то ещё. Кто-то наблюдал.

А потом случилось то, чего Лукас не планировал и не хотел.

Один из жнецов занёс руку для удара — обычный боковой хук, направленный Коулу в висок. И Лукас вдруг *почувствовал* этот удар до того, как он случился. Не предугадал — именно почувствовал. Мышцы жнеца напряглись за секунду до движения, и это напряжение отозвалось в теле Лукаса электрическим разрядом.

Он шагнул вперёд. Протянул руку. И коснулся запястья жнеца.

— Отойди, — прошептал он.

В ту же секунду жнец замер. Его глаза — до этого пустые, стеклянные — расширились. Он открыл рот, будто хотел закричать, но не издал ни звука. Потом его ноги подкосились, и он рухнул на асфальт, как тряпичная кукла.

Остальные жнецы остановились. Впервые в их механических движениях появилась пауза — замешательство. Красные индикаторы на шлемах замигали чаще.

— Обнаружена эмпатическая атака, — произнёс здоровенный жнец. — Уровень угрозы пересмотрен. Рекомендация: немедленная нейтрализация объекта К-9.

Он потянулся к поясу, где висело что-то, похожее на электрошокер. Но Коул уже был рядом. Он ударил жнеца ногой в колено — хрустнули кости — и, пока тот падал, выхватил у него из кобуры пистолет.

— Стоять, — рявкнул Коул. — Следующему — в голову.

Жнецы замерли. Их шлемы мигали красным, но они не двигались. Лукас понял почему — они не боялись. Они просто выполняли программу. А программа говорила: «При угрозе жизни — отступление». Значит, кто-то заложил в них инстинкт самосохранения. Пусть примитивный, но заложил.

— Уходим, — скомандовал Коул, пятясь к проулку и не спуская пистолета с жнецов. — Лукас, за мной. Бегом.

Лукас не мог бежать. Он стоял, глядя на жнеца, которого только что коснулся. Тот лежал на асфальте и смотрел в небо широко открытыми, немигающими глазами. Его грудь поднималась и опускалась — он дышал. Но в голове у него было пусто. Лукас не чувствовал его эмоций. Не потому, что тот их блокировал — потому что их больше не было.

— Я стёр его, — прошептал Лукас. — Я стёр его личность.

— Сейчас не до совести, — Коул схватил его за руку и потащил за собой. — Двигай!

Они бежали через дворы, перепрыгивали через заборы, продирались сквозь кусты. Пистолет Коул сунул за пояс — трофей, который может пригодиться. Лукас бежал молча, но Коул видел, что мальчик плачет. Слезы текли по его щекам, смешиваясь с кровью из носа, которая снова пошла.

— Я не хотел, — бормотал Лукас. — Я не хотел его... ломать.

— Ты спас мне жизнь, — резко ответил Коул. — Запомни это. Ты спас мне жизнь. А тот парень... он был солдатом. И он выбрал эту сторону.

— Он не выбирал. Его программировали.

— Тогда ты его освободил.

Лукас замолчал. Он не был уверен, что «освободить» — правильное слово. Когда ты стираешь личность человека, ты не даёшь ему свободу. Ты превращаешь его в овощ. В пустую оболочку. Но он не мог признаться в этом Коулу. Потому что если бы признался — Коул, может быть, испугался бы. А если бы Коул испугался, он бы ушёл. И Лукас остался бы один.

Они остановились только через час, когда Морристаун остался далеко позади. Коул нашёл заброшенный сарай на окраине фермерского поля — дощатые стены, дырявая крыша, запах сена и мышинного помёта. Лучшего убежища нельзя было и желать.

— Отдыхай, — сказал Коул, усаживая Лукаса на тюк соломы. — Через два часа выдвигаемся.

— А если они нас найдут?

— Не найдут. Я запутал следы.

Лукас хотел спросить, как именно бывший хирург может запутать следы от эмпатических охотников, но сил не было. Он закрыл глаза и сразу же провалился в сон. Ему снились жнецы. Пустые глаза. Падающее тело. И голос, который шептал: «Ты — монстр». Голос был его собственным.

Когда он проснулся, Коул сидел рядом, прислонившись к стене, и чистил трофейный пистолет. На коленях у него лежала карта — та самая, что Лукас нашёл в лаборатории.

— Я думал над твоим планом, — сказал Коул, не поднимая головы. — Ты прав. Бродить по горам наугад — самоубийство. Но есть другой вариант.

— Какой?

— Мой старый знакомый. Он служил со мной в Афганистане. Сейчас работает на что-то вроде... ЧВК. У него есть доступ к базам данных. Если «Тихие» существуют, о них есть информация. Документы, поставки, налоги — что-то, что их выдаст.

— Он поможет? — с надеждой спросил Лукас.

— Не знаю. — Коул, наконец, поднял глаза. — Дэнни всегда был жадным до денег. Но он также был честным. В отличие от большинства моих знакомых.

— А если он продаст нас?

— Тогда я его убью, — спокойно сказал Коул.

И Лукас понял, что он не шутит.

Они вышли из сарая, когда солнце уже клонилось к закату. Небо на западе полыхало оранжевым и розовым — цвета, которые Лукас никогда не видел в лаборатории. Там не было закатов. Там был только белый, стерильный свет люминесцентных ламп, от которого болели глаза.

Он шёл рядом с Коулом, стараясь не отставать, и думал о том, что этот суровый, сломленный человек — возможно, единственный, кто не предаст его. Не потому, что добрый. А потому, что у него самого не осталось ничего, кроме правды.

А правда была простой: «Омега Бионикс» создала мальчика-оружие. И теперь этот мальчик сбежал, унося с собой секрет, который может разрушить корпорацию.

Или спасти её.

Всё зависело от того, кто доберётся до него первым.

Вдалеке, на шоссе, завывла полицейская сирена. Лукас вздрогнул, но не обернулся. Он просто сжал лямки рюкзака и прибавил шаг.

Впереди была ночь.

А после ночи — первый настоящий бой.

Глава 3. Псы войны

Дэнни Фэрроу жил в трейлере на колёсах, припаркованном на вечной стоянке у шоссе I-81, прямо между вывеской «Стоп-энд-Шоп» и свалкой старых шин.

Коул узнал этот трейлер сразу — выдавший виды «Эйрстрим» 1987 года, облезлый, с пятнами ржавчины, напоминающими географические карты. Десять лет назад Дэнни купил его за пятьсот долларов и поклялся, что когда-нибудь отреставрирует. Не отреставрировал. Вместо этого он прицепил к трейлеру дизельный генератор, антенну для спутникового интернета и три кондиционера — на случай, если два сломаются.

Было около десяти утра, когда Коул и Лукас вышли из придорожных кустов на парковку. Лукас выглядел ужасно: под глазами залегли чёрные круги, губы потрескались, а левая рука всё ещё подрагивала после вчерашнего эпизода со жнецом. Коул заставил его съесть два энергетических батончика и выпить пол-литра воды, но этого было недостаточно. Мальчику нужно было спать. По-настоящему, глубоко спать, не просыпаясь от кошмаров.

Но спать было некогда.

— Стой здесь, — сказал Коул, пригибаясь за ржавым пикапом. — Если увидишь что-то подозрительное — кричи. И не используй свой дар, если не придётся. Дэнни... он не из тех, кто любит сюрпризы.

— А он не продаст нас? — в сотый раз спросил Лукас.

Коул промолчал. Потому что не знал ответа.

Он оставил мальчика за пикапом, вытащил из-за пояса трофейный пистолет («Глок 17», стандартная корпоративная игрушка), проверил обойму — пять патронов, маловато — и двинулся к трейлеру.

Дверь открылась прежде, чем он успел постучать.

На пороге стоял мужчина лет пятидесяти, с лицом, изъеденным оспой и временем. Дэнни Фэрроу когда-то был красавчиком — голубоглазый блондин, любимец роты. Теперь его волосы поседели и поредели, глаза потускнели, а на месте правой руки красовался бионический протез — чёрный, матовый, с логотипом «Омега Бионикс» на запястье.

— Коул Уинтер, — сказал Дэнни без улыбки. — Живой, невредимый и, судя по запаху, не мытый уже неделю. Слышал, тебя выпустили. И слышал, что ты не звонил.

— Здравствуй, Дэнни, — Коул не опустил пистолет. — Не знал, что ты работаешь на «Омегу».

— Не работаю. Протез — компенсация за увечье. Я им ещё и унитаз прочищаю, между прочим. — Дэнни перевёл взгляд на оружие в руке Коула. — Ты пришёл стрелять или разговаривать? Потому что если стрелять — вали. Мне ещё налоги платить.

Коул поколебался секунду, потом опустил пистолет, но не убрал.

— Мне нужна помощь.

— Помощь? — Дэнни усмехнулся, обнажив жёлтые зубы. — Ты семь лет не звонил, не писал, а теперь приползаешь в мой трейлер с пушкой и просишь помощи? Знаешь, где такие просьбы живут, Коул?

— Знаю. В заднице. Но ты — единственный, кому я могу доверять.

— Это многое говорит о твоём вкусе.

Дэнни отступил вглубь трейлера, бросив короткое: «Заходи. Но пушку оставь у порога. И если ты привёл с собой кого-то — пусть выходит. Я уже чувствую запах страха. Он воняет как прокисшее молоко».

Коул свистнул — тихо, по-особенному, старым армейским сигналом. Из-за пикапа показался Лукас. Мальчик шёл медленно, опустив голову, словно пытался стать меньше, незаметнее. Дэнни уставился на него, и его лицо — циничное, равнодушное — вдруг дрогнуло.

— Это что, ребёнок? — спросил он.

— Это Лукас, — сказал Коул. — Он — причина, по которой меня подставили. И причина, по которой я здесь.

— Ребёнок? — повторил Дэнни. — Ты приволок ребёнка к моему трейлеру? Ты охренел, Коул? Я — старый, больной педофил, у меня в холодильнике только пиво и вчерашняя пицца. Я не нянька!

— Ты — мой единственный шанс, — твёрдо сказал Коул. — Нам нужно найти общину «Тихие». Это где-то в Аппалачах. У тебя есть доступ к базам данных корпораций. Помогите нам — и мы уйдём. Навсегда.

Дэнни долго молчал. Потом вздохнул, скрестил руки на груди (бионическая рука тихо загудела) и кивнул на дверь.

— Заходите. Но если нагадите в туалете — будете чистить сами.

Трейлер внутри оказался больше, чем казался снаружи. Дэнни превратил его в подобие командного центра: три монитора, спутниковый модем, сканер полицейских частот и, что самое интересное, устройство для взлома корпоративных серверов — чёрная коробка с кучей проводов, которую Дэнни ласково называл «Киркой».

— Садитесь на диван, — скомандовал Дэнни, плюхаясь в кресло перед мониторами. — Кофе не предлагаю. Кофе закончился вчера. Есть «Монстр» энергетик. Ребёнку не давать — сдохнет.

Лукас сел на продавленный диван, поджав ноги, и уставился на Дэнни. Точнее, на его ауру. Она была... странной. Цвета старой, вытертой кожи — коричневато-серая, с редкими вспышками тёмно-синего. Глубоко запрятанная печаль. Сожаление о чём-то, что нельзя исправить. И страх. Не такой, как у обычных людей — липкий, панический, — а сухой, профессиональный страх человека, который много раз смотрел смерти в глаза и знает, что рано или поздно она всё равно придёт.

— Не пялься на меня, малой, — буркнул Дэнни, не оборачиваясь. — Я знаю, что ты эмпат. У нас в конторе был один такой. Работал в допросе. Пока не повесился в камере. Этот дар — он не игрушка.

— Я не пялюсь, — тихо ответил Лукас. — Я просто... слушаю.

— Ну и что слышишь?

— Что вы ненавидите свою руку. Что каждый день хотите её оторвать. И что вы боитесь не за себя — за кого-то другого. За женщину?

Дэнни резко обернулся. В его глазах мелькнуло что-то — удивление, гнев, боль. Потом он отвернулся и уставился в монитор.

— Не лезь в мою душу, парень, — сказал он тихо. — А то я забуду, что ты ребёнок, и сделаю больно.

— Не сделаете, — спокойно ответил Лукас. — Вы — не жестокий. Вы просто одинокий. Коул вмешался, чувствуя, что напряжение достигает предела:

— Дэнни. «Тихие». Ты можешь, найти их или нет?

— Дай подумать, — буркнул Дэнни, застучав по клавиатуре одной рукой (бионическая висела плетью — видимо, для тонкой работы она не годилась). — «Тихие», «Тихие»... Я слышал о них. Странная секта, живут в горах, не пользуются банковскими картами, не регистрируют собственность. У них есть свой чёрный рынок поставок — еда, медикаменты, стройматериалы. Если покопаться в логистических цепочках...

Мониторы замелькали. Дэнни работал быстро, уверенно — его единственная рука летала по клавиатуре, как пианист-виртуоз. Коул смотрел на этого человека и вспоминал Афганистан.

В 2011-м их отряд попал в засаду. Дэнни тогда был связистом — молодым, наглым, вечно жевавшим жвачку и улыбавшимся. Он вытащил Коула из-под огня, когда того ранило в плечо. Потом, через два года, Дэнни подорвался на mine. Потерял руку, получил контузию, списался.

Коул навещал его в госпитале — один раз. Потом начался суд, арест, тюрьма. И Дэнни, как и все остальные, исчез из его жизни.

— Есть кое-что, — сказал Дэнни, не отрываясь от экрана. — Я нашёл подозрительные закупки в округе Грейлок, Западная Вирджиния. Пять лет назад какой-то фонд купил участок земли в горах, оформил как «религиозную обитель». С тех пор туда регулярно идут поставки — вода, консервы, аккумуляторы. Никаких официальных лиц, никаких налогов. Подозрительно тихо.

— Грейлок, — повторил Коул. — Это далеко?

— Часов восемь на машине. Если объезжать посты. А ты, я так понимаю, без машины?

— Есть одна. Но она в Морристауне, и на ней нас уже могли засечь.

Дэнни вздохнул. Он выключил мониторы, повернулся в кресле и уставился на Коула.

— Я дам тебе свою, — сказал он. — Старый «Форд», неприметный, зарегистрирован на подставную фирму. Там в бардачке карты, фальшивые документы на двоих, три обоймы к «глоку» и аптечка. Этого хватит?

Коул не верил своим ушам. Он ожидал торговли, шантажа, условий. Но Дэнни просто предлагал помощь. Просто так.

— Почему? — спросил он. — Ты же не делаешь ничего бесплатно.

— Потому что, — Дэнни посмотрел на свой бионический протез, — «Омега» тоже мне задолжала. Они впарили мне эту хреновину за тридцать штук, сказали, она чувствует тепло, давление, всё что угодно. А она — просто кусок пластика с сервоприводами. Я не чувствую ею свою дочь, Коул. Я не чувствую, когда она плачет. — Он поднял голову. — У меня дочь. Ей восемь. Живёт с бывшей женой в Огайо. Если «Омега» сможет делать таких детей, как твой пацан... она будет не в безопасности. Никто не будет.

В трейлере повисла тишина. Лукас смотрел на Дэнни с новым выражением — не страх, не любопытство, а что-то похожее на уважение.

— Спасибо, — сказал мальчик. — Я... я не буду использовать свой дар против вас. Обещаю.

— Размечтался, — проворчал Дэнни, но его аура потеплела. — Ладно, хватит соплей. Уходите сейчас. Я слышал в новостях — утром было сообщение о побеге особо опасного преступника. Описание: мужчина средних лет с ребёнком. Это вы.

— Нас уже ищут, — кивнул Коул.

— Ищут. Но не там, где надо. Я проложил маршрут через национальные парки — там меньше камер и постов. — Дэнни протянул Коулу ключи от машины и флешку. — Здесь всё: карты, контакты людей, которые могут помочь, частоты раций «Тихих», если они их используют. И ещё кое-что.

— Что?

— Имя. Надя Восс. Я покопался в её досье. Она не просто охотница. Она — ключ ко всему. Её отец, Виктор Восс, главный генетик «Омеги». Он сделал её такой — безэмоциональной. Но в досье есть пробел. Два года, с 2018 по 2020, она числится в отпуске. На самом деле она лечилась в закрытой клинике. Послеродовая депрессия, суицидальные мысли. Её дочь умерла в 2018-м, но причина смерти — не в официальных бумагах. Думаю, Виктор что-то скрывает.

— Зачем нам это? — спросил Лукас.

— Затем, что у каждой брони есть трещина, — ответил Дэнни. — Если вы хотите выжить, вам нужно не только бегать. Нужно понять своих врагов. А у этой женщины — дочь. И она была эмпатом. Как ты.

Лукас побледнел. Он не знал, что Надя Восс — мать. Он чувствовал её пустоту, но за ней, глубоко-глубоко, действительно была серая, бесконечная вода. Печаль. Теперь он понял, что это такое.

— Пора, — сказал Коул, беря Лукаса за плечо. — Ещё раз спасибо, Дэнни.

— Не благодари. И, Коул... — Дэнни поднялся, и его бионическая рука протянулась для рукопожатия. — Если вы оба выживете — дай знать. Может, как-нибудь пива выпьем.

— Обязательно, — сказал Коул, пожимая холодный, безжизненный протез.

Они вышли из трейлера. Лукас оглянулся — Дэнни стоял в дверях, ссутулившись, и смотрел им вслед. Его аура была тёплой, золотисто-коричневой. Он надеялся. И боялся. И, кажется, молился — про себя, без слов.

— Хороший человек, — сказал Лукас, когда они сели в старый синий «Форд».

— Лучший из плохих, — ответил Коул, заводя двигатель.

Машина чихнула, кашлянула и завелась. На приборной панели мигала лампочка низкого давления масла — какая ирония, учитывая, что всё их путешествие было одной сплошной утечкой жизненных сил.

Они выехали на шоссе, когда солнце уже поднялось высоко. Коул вёл машину осторожно, не превышая скорость, держась в потоке. На заднем сиденье Лукас свернулся калачиком, натянул капюшон и закрыл глаза. Спать. Ему просто необходимо было поспать.

Но сон не шёл. Мысли крутились вокруг одной фразы: «Её дочь была эмпатом». Значит, Надя знала. Она знала, каково это — слышать чужие эмоции, видеть цвета чужих душ. И всё равно охотилась. Почему? Потому что ненавидела дар, который убил её ребёнка? Или потому что хотела вернуть дочь — любой ценой?

— Коул, — тихо позвал Лукас.

— А если «Тихие» не помогут? Если мы придём туда, а они скажут — уходи, ты опасен?

— Тогда пойдём дальше, — ответил Коул, не оборачиваясь. — Канада, Европа, маленький остров в Тихом океане — я не знаю. Но мы не остановимся.

— Почему? Ты мог бы меня бросить. В мотеле. Или у Дэнни. Никто бы не узнал.

Коул надолго замолчал. Машина ехала по трассе, обгоняя фуры и прижимаясь к обочине. Лукас уже думал, что он не ответит.

— Потому что, — наконец сказал Коул, — в тюрьме я понял одну вещь. Самый страшный звук — это не вой сирены и не лязг решёток. Это тишина, когда ты понимаешь, что ты один. Никто не придёт. Никто не поможет. Ты — никому не нужен. — Он сжал руль так, что побелели костяшки. — Я не хочу, чтобы ты это чувствовал.

Лукас не знал, что ответить. Он просто закрыл глаза и позволил себе — впервые за много лет — почувствовать что-то кроме чужих эмоций. Он почувствовал благодарность. Тёплую, золотистую, как солнечный свет.

Она была его собственной.

А в это время, в сотне миль позади, Надя Восс сидела в чёрном внедорожнике и смотрела на карту, расчерченную красными линиями. Её пальцы — идеальные, без единого шрама — водили по экрану планшета, отмечая точки возможного маршрута беглецов.

— Они были у Дэниела Фэрроу, — сообщил человек за рулём — один из жнецов, чьи глаза не выражали ничего. — Фэрроу мёртв.

Надя не удивилась. Она приказала убить его ещё час назад, когда поняла, что Коул и Лукас успели уйти. Дэнни знал слишком много. И, в отличие от Коула, не представлял ценности.

— Направление? — спросила она.

— Юго-запад. К горам.

— «Тихие», — произнесла Надя, и в её голосе не было ни злобы, ни радости. Только констатация факта. — Глупцы. Они думают, что там спасение. Они не знают, что я уже была там. Что я знаю каждого их прячущегося эмпата в лицо.

Она откинулась на сиденье и закрыла глаза. На мгновение — на одно короткое, украденное мгновение — она позволила себе вспомнить. Дочь. Маленькая девочка с кудряшками и

огромными глазами, которая плакала, когда слышала чужую боль. Которая просила: «Мама, сделай так, чтобы они перестали кричать». И Надя не могла.

Она открыла глаза. В них не было слёз. Пустота.

— Ускорься, — сказала она жнецу. — Я хочу закончить это до заката.

Внедорожник рванул с места, оставляя за собой облако пыли и запах озона.

Охота продолжалась.

Глава 4: Цена молчания

Мотоцикл «Хонда» 2005 года оказался удивительно живучей машиной. Коул гнал его по шоссе 219 на скорости восемьдесят миль в час, и ветер свистел в ушах, заглушая все остальные звуки. Лукас сидел сзади, вцепившись в пояс Коула, и смотрел, как лес превращается в размытое зелёное пятно. Его волосы трепал ветер, а в голове впервые за много лет было тихо.

Не совсем тихо — где-то на периферии сознания всё ещё пульсировали отголоски чужих эмоций, но теперь они были приглушёнными, как радио, работающее в соседней комнате. Лукас мог их игнорировать. Он мог просто... быть.

Он не знал, сколько они ехали. Может, час, может, два. Дорога вилась между холмами, поднималась в гору, спускалась в низины. Иногда встречались другие машины — Коул обгонял их или прижимался к обочине, пропуская вперёд. Он вёл мотоцикл с той же уверенностью, с какой, наверное, когда-то держал скальпель: расчётливо, без лишних движений, всегда на шаг впереди ситуации.

Лукас смотрел на его спину — широкую, напряжённую, покрытую старой, выцветшей тканью армейской куртки. Аура Коула сейчас была тёмно-серой, почти чёрной по краям, но в центре всё ещё теплилась та золотистая искра, которую Лукас заметил в первый день. Жизнь. Упрямство. Что-то, что не давало этому человеку сломаться до конца.

«Интересно, — подумал Лукас, — а каким он был до тюрьмы? До того, как его подставили?»

Он попытался представить Коула молодым, на войне, в госпитале, где реки крови и горы ампутированных конечностей — обычное дело. Но картинка не складывалась. Слишком много боли накопилось в этом человеке. Слишком много слоёв, как у старой луковицы.

Лукас перевёл взгляд на дорогу. И сразу же пожалел об этом.

На горизонте, примерно в миле впереди, он увидел дым. Не чёрный, индустриальный — белый, густой, клубящийся. Дым от пожара. И одновременно с этим в его голове взорвалась сирена.

Эмоции. Не одна — сотни. Крик. Паника. Боль. Всё это смешалось в один огромный, оглушительный аккорд, от которого у Лукаса заложило уши и потемнело в глазах.

— Коул! — закричал он, но ветер унёс его слова.

— Что? — Коул обернулся через плечо.

— Впереди! Авария! Или... я не знаю! Люди кричат!

Коул прищурился. Дым он уже заметил. Он сбросил скорость, съехал на обочину и заглушил мотор. Тишина наступила резко, как удар.

— Где? — спросил он.

— Прямо по курсу. Четверть мили. — Лукас сполз с мотоцикла, и его ноги подкосились — прилив чужих эмоций был слишком сильным. — Там много людей. Они в панике. Кто-то ранен.

— Сиди здесь, — приказал Коул. — Я схожу один.

— Нет! — Лукас схватил его за рукав. — Ты не увидишь то, что вижу я. Если там жнецы...

— Если там жнецы, ты будешь в безопасности здесь. А я разберусь.

— А если там дети? — Лукас посмотрел ему прямо в глаза. В его взгляде была такая взрослая, такая тяжёлая решимость, что Коул на секунду забыл, как дышать. — Если там дети, и они ранены? Я могу им помочь. Я могу отзеркалить.

— Ценой собственного здоровья, — жёстко напомнил Коул.

— Я знаю цену.

Глава 5. Чистка

Больница в Грейлоке оказалась именно такой, какой её описывал фельдшер — маленькой, провинциальной, с облупившейся краской на фасаде и вывеской, которая горела через букву. «Мемориальный госпиталь Грейлока» — буквы «М» и «Г» давно погасли, так что по ночам здание называли «емориальный оспиталь», и местные шутили, что это пророчество.

Лукас очнулся в послеоперационной палате. Первое, что он почувствовал, — боль. Не та, глубокая, внутренняя боль от травмы, которую он отзеркалил у женщины. Другая. Острая, режущая, с чётко очерченными границами. Послеоперационная боль. Знакомая.

Он открыл глаза.

Потолок был белым. Не стерильно-белым, как в лаборатории, а просто белым — крашенным много раз, с трещинами и следами протечек. Люминесцентная лампа под потолком тихо гудела, и этот гул отдавался в висках тупой пульсацией.

Лукас попытался пошевелиться и замер — живот стягивало что-то тугое. Повязка. Чистая, белая, сложенная в несколько слоёв. Под ней — швы. Он не видел их, но чувствовал: тонкие, аккуратные, профессиональные. Хороший хирург. Лучше, чем Коул? Он не знал. Он не видел работы Коула.

— Очнулся? — раздался голос сбоку.

Лукас повернул голову — медленно, чтобы не закружилась комната. В кресле у окна сидела женщина. Лет пятидесяти, с короткой стрижкой, начинающей седесть, и добрыми, очень внимательными глазами. На ней был белый халат, немного тесноватый в плечах, и нагрудный знак с именем: «Клэр Хадсон, медсестра».

— Где я? — спросил Лукас. Голос был хриплым, слабым — горло саднило, будто он кричал несколько часов подряд.

— В Грейлоке, милый. В больнице. Тебя привезли вчера вечером. — Медсестра поднялась и подошла к кровати. Её шаги были тихими, почти неслышными. Профессиональная привычка. — Доктор Мэйсон тебя прооперировал. Ты потерял много крови, но сейчас всё в порядке. Швы снимут через неделю.

Лукас кивнул. В голове была странная пустота — не та, болезненная, которая случалась после отзеркаливания, а спокойная, почти умиротворяющая. Он не слышал эмоций медсестры. Или слышал, но они были такими тихими, такими далёкими, что не мешали.

Монти. Чистка сработала. Эмоциональные следы были стёрты, и мир вокруг больше не кричал. Он шептал.

— Как долго я здесь? — спросил Лукас.

— Часов двенадцать. Операция была тяжёлой, но ты молодой, крепкий. — Клэр поправила одеяло, подоткнула его с боков. — Доктор сказал, что такого обширного внутреннего кровотечения у ребёнка он не видел давно. Что случилось? Тебя ударили?

Лукас не знал, что ответить. Правду — он отзеркалил травму беременной женщины, чтобы спасти её и ребёнка? Медсестра подумает, что он сумасшедший. Или что он лжёт.

— ДТП, — сказал он. — Фура перевернулась. Я был рядом.

— Ты был рядом? — Клэр нахмурилась. — А твои родители? Полиция искала твоих родных, но в больнице нет никаких документов. Ты местный?

— Нет. Я... путешествую с дядей. Его зовут Коул. Он врач. Он, наверное, скоро придёт.

Лукас сам не верил в то, что говорил. Коул сказал, что вернётся. Но Коул — беглец. За ним охотится корпорация. И он оставил Лукаса здесь, в чужом городе, в чужой больнице, без документов, без денег, без защиты.

Но он обещал.

«Ты мне веришь?» — спросил Коул перед тем, как уйти.

«Верю», — ответил Лукас.

Он не знал, было ли это правдой или просто надеждой.

Клэр ушла, пообещав принести завтрак: овсянку и яблочный сок. Лукас остался один. Он лежал и смотрел в потолок, слушая тишину. Обычную, человеческую тишину больницы: капельницы, капающие в соседней палате, шаги медсестёр в коридоре, тихий разговор двух врачей в конце поста.

Эмоции были. Он чувствовал их краем сознания — усталость, сочувствие, лёгкую тревогу — но они не врывались в него, не разрывали изнутри. Они были как фон. Как радио, включённое на очень низкую громкость.

Впервые в жизни Лукас мог думать.

Он думал о Коуле. О том, где он сейчас, что делает, жив ли. О том, как этот суровый, сломленный человек вдруг стал для него... кем? Не отцом. Он не знал, что такое отец. Не другом. У него никогда не было друзей. Но кем-то, чьё присутствие делало мир менее страшным. Может быть, это и есть семья. Просто человек, который не врёт.

Он думал о Наде. О её пустой ауре, о серой, бесконечной печали, которая пряталась где-то глубоко. Он думал о её дочери — девочке, которая была эмпатом, как он. Которая кричала по ночам, чувствуя чужую боль. Которая умерла. И после этого её мать стала охотиться на таких же детей.

«Почему? — спрашивал себя Лукас. — Почему она не хочет нам помочь? Почему она хочет нас уничтожить?»

Он не находил ответа.

Дверь палаты открылась, и вошёл мужчина. Высокий, худой, с тёмными кругами под глазами и сединой на висках. Лет сорока пяти. Белый халат поверх джинсов и клетчатой рубашки. Доктор — это было видно по уверенной, спокойной ауре, которая окружала его тёплым, янтарным светом.

— Доброе утро, — сказал он. — Я доктор Мэйсон. Тот самый, который кромсал твой живот.

Голос был грубоватым, но не злым. В нём чувствовалась усталость человека, который работает по шестнадцать часов в сутки и уже забыл, когда в последний раз брал отпуск.

— Спасибо, — сказал Лукас. — Вы меня спасли.

— Это моя работа. — Мэйсон сел на край кровати и взял Лукаса за запястье, проверяя пульс. — Слушай, парень. Я не буду задавать лишних вопросов, потому что у меня нет времени и желания играть в полицейского. Но мне нужно знать одну вещь.

— Какую?

— Твоя травма. Она не похожа на травму от удара. Не похожа на ножевое ранение. Она похожа на... — он запнулся, подбирая слова, — на спонтанное внутреннее кровотечение. Такое бывает при некоторых генетических заболеваниях. У тебя есть что-то, о чём я должен знать?

Лукас молчал. Он смотрел на доктора Мэйсона и видел его ауру — янтарную, ровную, с редкими вспышками синего. Беспокойство. Не за себя — за пациента. За мальчика, который лежит на его койке с раной, которой не должно было существовать.

— Это не генетика, — тихо сказал Лукас. — Это дар. Я могу забирать чужую боль на себя. Эту травму я забрал у женщины на трассе. У неё было внутреннее кровотечение. У неё и у её ребёнка. Теперь они живы.

Доктор Мэйсон замер. Его аура дёрнулась, вспыхнула оранжевым — недоверие, смешанное с изумлением. Потом медленно успокоилась.

— Ты серьёзно? — спросил он.

— Я никогда не шучу о таких вещах, — ответил Лукас.

Мэйсон смотрел на него долгую минуту. Потом встал, подошёл к двери, закрыл её и вернулся к кровати. Сел. Наклонился ближе.

— Я слышал об эмпах, — сказал он тихо. — В медицинских кругах ходят слухи. Неофициальные. «Омега Бионикс» проводит эксперименты. Создает людей с паранормальными способностями. Я думал, это чушь.

— Я — не чушь, — сказал Лукас. — Я — эксперимент. И за мной охотятся. Тот мужчина, который был со мной — Коул Уинтер, — он помогает мне добраться до безопасного места. Но сейчас я не знаю, где он.

Мэйсон потёр лицо ладонями. Его аура пульсировала — синий, зелёный, оранжевый. Страх, сочувствие, профессиональная ответственность. Всё смешалось.

— Знаешь, что я тебе скажу, парень? — сказал он, наконец. — Я старый хирург. Я видел много дерьма. Солдаты с оторванными ногами, дети с пулевыми ранениями, старики, которые умирали от рака на моём столе. Я думал, меня уже ничем не удивить. — Он помолчал. — Но ты удивил.

— Это плохо?

— Это страшно. И опасно. — Мэйсон посмотрел на дверь, потом снова на Лукаса. — Ты не можешь оставаться здесь. Если то, что ты говоришь, правда — если корпорация охотится за тобой — они придут. Вопрос времени.

— Куда мне идти? У меня нет сил. Я едва стою на ногах.

— У тебя есть я, — сказал Мэйсон. — По крайней мере, пока. Я не знаю, зачем ты врешь и говоришь ли правду. Но моя клятва — лечить. Не сдавать полиции. Не спрашивать разрешения у корпораций. — Он встал. — Сегодня ночью я организую твой перевод. Не в другую больницу — в другое место. В старую ферму моего отца, в двадцати милях отсюда. Там ты можешь спрятаться на несколько дней, пока не заживут швы.

Лукас смотрел на этого человека и не верил своим глазам. Не тому, что он предлагал помощь — он привык, что взрослые либо эксплуатируют его, либо боятся. Он не верил, что есть кто-то, кто верит ему без доказательств.

— Почему? — спросил он. — Почему вы рискуете?

Мэйсон усмехнулся. Горько, устало.

— Потому что лет двадцать назад у меня был брат. Младший. Ему поставили диагноз — шизофрения. Слышал голоса. Боялся всего. Корпорация «Омега» предлагала лечение. Экспериментальное. Мы согласились. — Он помолчал. — Через шесть месяцев он покончил с собой. Я всегда думал — может быть, если бы я не отдал его им, он был бы жив. Может быть, если бы я защитил его, а не поверил учёным в белых халатах... — Он не закончил.

Лукас молчал. Он видел ауру Мэйсона — она вся была пронизана чёрными, тонкими нитями. Вина. Многолетняя, глубокая, невыплаканная вина.

— Я не брат вам, — сказал Лукас.

— Нет. Но я могу не допустить ту же ошибку. — Мэйсон положил руку ему на плечо — осторожно, чтобы не задеть швы. — Отдыхай. Я вернусь вечером.

Он ушёл, и Лукас остался один. Он закрыл глаза и попытался представить, где сейчас Коул. В лесу? В городе? На мотоцикле? Он не знал. Но он чувствовал — странно, без дара, просто сердцем — что Коул идёт к нему. Не останавливается. Не бросает.

«Верь, — сказал он себе. — Просто верь».

Тем временем, в сорока милях от Грейлока, Коул Уинтер стоял на коленях в грязи и смотрел на то, что осталось от лесничества, куда его привела карта.

Здание сгорело дотла. Не вчера и не сегодня — несколько лет назад. Стены обуглились, крыша обрушилась, внутри чернела пустота, затянутая паутиной и сорняками.

— Чёрт, — выругался Коул. — Дэнни, чтоб тебя...

Он вытащил флешку, которую дал ему Дэнни, и посмотрел на неё. Единственная нить, ведущая к «Тихим». Или к ловушке. Он не знал.

Мотоцикл стоял у дороги, заглушенный. Коул подошёл к нему, достал из рюкзака флягу с водой, сделал глоток. Вода была тёплой, с привкусом пластика, но это было лучше, чем ничего.

Он думал о Лукасе. О том, как мальчик сжимал его руку перед тем, как его увезли. О том, как сказал: «Верю».

«Я не вру», — ответил он тогда.

Но не солгал ли он себе, когда решил оставить Лукаса одного? Может быть, надо было остаться. Плевать на риск. Плевать на погоню. Просто быть рядом.

Нет. Он принял правильное решение. Если бы они остались вместе, «Омега» нашла бы их обоих. А так у Лукаса был шанс — спрятаться в больнице, под чужим именем, пока Коул найдёт «Тихих» и вернётся за ним.

Но где искать, если лесничество сгорело?

Коул сел на мотоцикл, но не заводил. Он смотрел на чёрные руины и думал. Дэнни не мог ошибиться — он был слишком профессионален. Значит, что-то изменилось за последние годы. «Тихие» могли перенести убежище. Или его никогда здесь не было, и карта была подделкой.

Или...

— Ты заблудился, солдат? — раздался голос за спиной.

Коул резко обернулся, выхватывая пистолет. Но стрелять было не в кого. Никого.

— Кто здесь? — крикнул он в темноту леса.

— Тот, кто может тебе помочь. — Голос был женским, молодым, с лёгкой хрипотцой. Он доносился откуда-то сверху. Коул поднял голову и увидел её.

Девушка сидела на ветке старого дуба, свесив ноги. Лет двадцати, с растрёпанными рыжими волосами и лицом, усыпанным веснушками. На ней была грязная куртка и резиновые сапоги. В руке — арбалет. Нацеленный прямо на Коула.

— Убери пушку, — сказала девушка. — А то я стреляю быстрее, чем ты целишься.

— Кто ты? — повторил Коул, не опуская оружия.

— Меня зовут Роуэн. — Она спрыгнула с ветки — мягко, как кошка, приземлившись на землю без единого звука. — И я знаю, где «Тихие». При условии, что ты не маньяк и не корпоративная крыса.

— Я — не крыса.

— А кто?

— Хирург. Бывший. Я здесь, потому что со мной мальчик. Эмпат. Ему нужна помощь. Ему нужно убежище.

Роуэн наклонила голову набок, как птица. Её глаза — зелёные, яркие — сузились. Она словно оценивала его, взвешивала каждое слово.

— Эмпат, говоришь, — протянула она. — И ты привёл его к нам? Привёл бы, если бы не сдох твой мотоцикл и не сгорело лесничество?

— Откуда ты...

— Я следила за тобой последние два часа, солдат. Ты едешь, останавливаешься, смотришь на карту, трёшь затылок. Похоже на поиски иголки в стоге сена. — Роуэн усмехнулась. — «Тихие» сменили базу два года назад, после того как жнецы Нади Восс сожгли лесничество. Теперь они глубже в горах. В месте, которое не найти по карте.

— Ты отведешь меня туда?

— Зачем мне это? Я не такси.

Коул опустил пистолет — не убрал, но опустил. Он посмотрел девушке в глаза и сказал то, что думал. Честно. Прямо. Как учил его Лукас.

— Потому что мальчик, которого я спасаю, двенадцать лет. Он никогда не видел неба до прошлой недели. Он родился в лаборатории. Его использовали как расходный материал. И если я не найду «Тихих», он умрёт. Или хуже — его превратят в оружие. — Коул перевёл дыхание. — Я не прошу тебя о помощи для себя. Я прошу для него.

Роуэн молчала долгую минуту. Потом убрала арбалет, повесив его на плечо.

— Ладно, — сказала она. — Я отведу тебя. Но не сейчас.

— Когда?

— Когда ты докажешь, что твоя история — правда. Идём. — Она развернулась и пошла в лес, не оглядываясь. — Тут недалеко есть место, где мы можем поговорить. И поесть. Я не знаю как ты, а я с утра ничего не жрала.

Коул поколебался секунду. Потом завёл мотоцикл и медленно поехал за рыжеволосой девушкой, которая двигалась между деревьями так уверенно, будто выросла в этом лесу.

Над горами сгушались тучи. Где-то вдалеке глухо рокотал гром.

Гроза приближалась. Как и Надя Восс, которая уже выехала из Морристауна и теперь мчалась по шоссе 219, не обращая внимания на скорость, на красные огни радаров, на мокрый асфальт.

Она знала, где Лукас. В больнице Грейлока. Её информаторы работали быстро.

Она знала, где Коул. В горах. Её жнецы уже прочёсывали лес.

Она знала, что эта ночь станет решающей.

— Держись, мальчик, — прошептал Коул, глядя на небо. — Я иду.

А где-то в больнице, в палате с белым потолком, Лукас открыл глаза и сел на кровати. Боль в животе была сильной, но терпимой. Гораздо сильнее было другое чувство.

Он чувствовал, что Коул рядом. Не физически — душой.

Эмпатическая связь, которую Монти не смог стереть. Та самая «золотая нить», которая соединила их в первый день. Она была тонкой, почти прозрачной, но неразрывной.

— Я здесь, — прошептал Лукас в пустоту. — Я жду.

За окном начался дождь. Крупные, тяжёлые капли били по стёклам, и в их ритме было что-то успокаивающее.

Впервые за много дней Лукас не боялся.

Глава 6. Гнездо рыжей

Роуэн привела Коула к месту, которого не было ни на одной карте.

Они петляли по лесу около часа — сначала по едва заметной тропе, потом через заросли дикой ежевики (Коул проклинал себя за то, что не надел штаны из плотной ткани), потом вверх по склону, поросшему мхом и папоротником. Мотоцикл пришлось оставить у подножия холма — дальше начиналась такая крутизна, что даже «Хонда» не взяла бы.

Девушка двигалась бесшумно. Это не было преувеличением — она действительно не издавала звуков. Ветки не трещали под её ногами, листья не шуршали, даже дыхание было почти неслышным. Коул, который в Афганистане охотился на людей, умевших прятаться в пустыне, признал в ней профессионала высокого класса.

— Ты военная? — спросил он, когда они остановились передохнуть у ручья.

— Нет, — ответила Роуэн, присаживаясь на корточки и зачерпывая воду ладонью. — Я выросла в лесу. Это лучшая школа выживания.

— Твои родители?

— Мертвы. — Она сказала это без эмоций, как констатируют факт. — Жнецы убили их, когда я была маленькой. Они тоже были эмпатами.

Коул помолчал. Вопрос «сколько тебе лет» застрял в горле. В этой девушке чувствовалась такая старая, въевшаяся боль, что её возраст переставал иметь значение.

— Поэтому ты знаешь о «Тихих»? — спросил он.

— Поэтому я знаю о многом. — Роуэн поднялась, отряхнула колени. — Идём. До гнезда ещё полчаса.

— Гнезда?

— Так я называю своё убежище. Не спрашивай почему — просто привыкла.

Они пошли дальше. Лес становился гуще, темнее. Старые дубы и клёны смыкали кроны над головой, превращая тропу в зелёный тоннель. Воздух пах сыростью, грибами и чем-то сладковатым — дикими яблоками, наверное. Где-то вдалеке стучал дятел, и этот звук казался единственным живым в этой глухой чаще.

Коул думал о Лукасе. О том, что мальчик сейчас в больнице, один, без защиты. О том, что Надя, наверное, уже знает, где он. О том, что время уходит.

— Ты слишком громко думаешь, — сказала Роуэн, не оборачиваясь.

— Что?

— Твои мысли. Они... шумят. Я не эмпат, но я обучена читать людей. Ты переживаешь о мальчике.

— Да.

— Он твой сын?

— Нет. Но... — Коул запнулся. — Но мог бы быть.

Роуэн ничего не ответила. Только ускорила шаг.

Гнездо оказалось тем, что осталось от старой пожарной вышки. Деревянная конструкция, когда-то покрашенная в белый цвет, теперь облупившаяся и посеревшая, возвышалась на холме, возвышаясь над верхушками деревьев. Лестница, ведущая наверх, скрипела и шаталась, но выглядела прочной.

— Забирайся, — сказала Роуэн, первой ступая на ступеньку. — Только осторожно — третья и седьмая проваливаются.

Они поднялись наверх. В кабинке пожарного наблюдателя было тесно — два стула, стол, самодельная кровать из досок и спального мешка, несколько полок с банками консервов и бутылками воды. На стенах — карты, исчерканные красным и синим, фотографии, вырезки

из газет. И запах. Запах трав, сушёных ягод и чего-то ещё, неуловимого — может быть, одиночества.

— Садись, — Роуэн кивнула на стул. — Рассказывай всё. С начала. И не ври. Я ненавижу врунов.

Коул сел. Он не знал, с чего начать. С тюрьмы? С войны? С того дня, когда он спас Фрэнка Бэнниона?

— Меня зовут Коул Уинтер, — сказал он. — Я бывший военный хирург. Семь лет назад меня посадили за шпионаж, которого я не совершал. Меня подставила корпорация «Омега Бионикс».

Роуэн кивнула, не перебивая.

— Три дня назад я вышел из тюрьмы. Меня нашёл мальчик — Лукас. Двенадцать лет. Он сбежал из лаборатории «Омеги». Он эмпат — может слышать чужие эмоции, видеть их как цвета, отзеркаливать травмы. За ним охотится оперативница Надя Восс — её отец, генетик Виктор Восс, создал этот дар.

— Я знаю Надю, — тихо сказала Роуэн. Её лицо окаменело. — Она убила моих родителей.

Коул посмотрел на неё. В зелёных глазах девушки не было ненависти — только холодная, ледяная решимость.

— Мы пытаемся добраться до «Тихих», — продолжал он. — Общины, где эмпаты учатся блокировать эмоциональный резонанс. Но по пути Лукас отзеркалил травму беременной женщины и получил внутреннее кровотечение. Он в больнице Грейлока. А я здесь, потому что мне нужна помощь. Мне нужно найти «Тихих» до того, как это сделает Надя.

Роуэн долго молчала. Она смотрела на карту, развешанную на стене, и водила пальцем по линиям, не касаясь их.

— «Тихие» — не община, — сказала она, наконец. — Не в том смысле, который ты думаешь. Они не живут все вместе. Они разбросаны по горам, маленькими группами, иногда по одному. Они общаются через посыльных, через старые радиоволны — способы, которые не отследить. У них нет лидера. Есть старейшина — женщина. Её зовут Элинора. Она — первая эмпатка, которой удалось заблокировать дар. Ей под девяносто.

— Где она?

— Никто не знает точно. Но я могу отвести тебя к человеку, который знает. — Роуэн повернулась к Коулу. — Только есть условие.

— Какое?

— Ты сможешь мне убить Надю Восс.

Коул не удивился. Он ждал чего-то подобного.

— Она нужна мне живой, — сказал он. — Чтобы дать показания против «Омеги».

— Ты наивен, солдат. — Роуэн усмехнулась. — «Омега» сотрёт её показания за секунду. У них есть люди в судах, в полиции, в правительстве. Единственный способ остановить их — уничтожить их инструмент. А Надя — их лучший инструмент.

— Я не убийца.

— А я — охотница. — Роуэн встала. — Я отслеживаю жнецов уже пять лет. Убила двенадцать. Но Надя ускользала каждый раз. Она умная. Она знает лес. Она знает, как мы думаем. — Она посмотрела на Коула. — С твоей помощью у меня будет шанс.

Коул покачал головой.

— Я не буду помогать тебе убивать. Но я не буду и мешать. Если ты хочешь убить Надю — это твой выбор. Но сначала помоги мне найти «Тихих». Спасти Лукаса.

Роуэн смотрела на него долгую минуту. Потом села обратно на стул и вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Сначала спасём твоего мальчика. Потом я решу, что делать с Надей.

— Согласен.

— Тогда слушай. — Роуэн пододвинула к нему карту и ткнула пальцем в точку, обозначенную маленьким красным крестиком. — Здесь, в пяти милях к северу, есть старая лесопилка. Там живёт Бернард — он бывший техник «Омеги». Он знает всё о жнецах, об их частотах, об их слабых местах. Он также знает, как связаться с Элинором. Но он — параноик. Он не доверяет никому. Если мы придём к нему просто так, он убьёт нас.

— Чем мы можем завоевать его доверие?

— Информацией. — Роуэн откинулась на спинку стула. — Ему нужно знать, что «Омега» планирует следующий шаг. У нас есть несколько часов, чтобы это выяснить.

— Как?

— Твой дар. — Роуэн посмотрела на него с любопытством. — Ты же хирург. В больнице Грейлока есть доступ к базам данных. Если ты сможешь добраться туда незаметно...

— Нет, — резко ответил Коул. — Я не оставлю Лукаса одного. Он и так в опасности.

— Ты его не оставишь. Ты просто займёшься делом, пока он поправляется.

— Он ребёнок, Роуэн.

— Я была ребёнком, когда умерли мои родители. — Голос девушки стал жёстче. — Я научилась выживать. Он тоже научится. Если ты будешь слишком опекать его — он умрёт. Потому что мир вокруг не станет добрее. Ты же это знаешь.

Коул знал. И это знание было самым горьким.

Он просидел в гнезде Роуэн ещё час, обсуждая план. Они решили, что Коул вернётся в Грейлок ночью, когда больница пустеет, и попробует проникнуть в архив. Роуэн тем временем разведает подходы к лесопилке Бернарда.

Всё должно было произойти сегодня. Или никогда.

Когда Коул спускался с вышки, дождь уже прекратился, но небо оставалось серым, тяжёлым. Влажность пробирала до костей.

— Будь осторожен, — сказала Роуэн, стоя на верхней площадке. — Надя не дура. Она уже прочесала больницу. Может быть, она оставила там засаду.

— Я справлюсь, — ответил Коул.

— Я не сомневаюсь. — Роуэн помолчала. — Знаешь, солдат... ты не похож на других взрослых.

— Это комплимент?

— Это наблюдение.

Он улыбнулся — впервые за долгое время — и зашагал вниз, к мотоциклу.

Через час он был в Грейлоке. Городок спал — ранний вечер, редкие фонари, пустые улицы. Больница находилась на окраине, трёхэтажное здание из красного кирпича, окружённое парковкой и старыми клёнами.

Коул оставил мотоцикл в кустах за углом и подошёл к чёрному ходу. Дверь была закрыта, но замок — дешёвый, китайский — поддался после минуты возни с ножом.

Он скользнул внутрь.

Коридор был тёплым, пахло медикаментами и чем-то сладким — карамелью, что ли? Где-то вдалеке работало радио, женский голос пел старую кантри-песню. Коул двинулся вперёд, держась стен, стараясь не шуметь.

План был прост: найти архив, скопировать данные о жнецах (Дэнни говорил, что у «Омеги» есть цифровые следы почти везде), и навестить Лукаса. Хотя бы на минуту. Хотя бы посмотреть, что с ним.

Он почти дошёл до регистратуры, когда услышал шаги. Двое. Мужские. Тяжёлые. Не похожие на шаги медбратьев.

Коул прижался к стене, вытащил пистолет.

— ...уверен, что он здесь? — спросил один.

— Следы ведут сюда, — ответил второй. Голос механический, без интонаций.
Жнецы.

— Он не в палате, мы проверили, — сказал первый. — Может, он прячется в подвале?
— Доложи Наде. Она прикажет прочесать здание.

Коул сжал челюсть. Они уже были здесь. Они искали Лукаса. Если они найдут его палату, если увидят, что кровать пуста...

Он рискнул выглянуть из-за угла. Двое жнецов стояли у регистратуры, спиной к нему. Их шлемы мигали зелёным — обычный режим. Они не чувствовали угрозы.

Коул мог убить их. Прямо сейчас. Два выстрела в головы — и тишина. Но шум привлечёт других. А другие — есть. Он чувствовал это.

Он убрал пистолет и скользнул дальше по коридору, туда, где лестница вела на второй этаж. Он не знал, где палата Лукаса, но его ноги несли его туда инстинктивно.

Второй этаж был тише. Здесь пахло хлоркой и старыми простынями. Коул заглянул в первую палату — пусто. Во вторую — старик под капельницей, спит. В третью...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.